

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б89

Художественное оформление
Марии Коняевой

Брусов, Серж.
Б89 Дети Сети / Серж Брусов. — Москва : Эксмо,
2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-105872-2

Дети Сети — это репортаж из жизни современных тинейджеров, так называемого поколения Z. Загадочная смерть, анонимные чаты в дебрях даркнета и вчерашние дети, живущие онлайн и мечтающие о светлом будущем. Кто они, сегодняшние тинейджеры? Те, чьи детство и юность пришлись на расцвет Instagram, Facebook и Twitter. Те, для кого онлайн порой намного важнее реальной жизни. Те, кто стал первым поколением, воспитанным Интернетом.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105872-2

© Брусов С., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пара уточнений и дисклеймер

Эта книга была написана в 2017 году как некий духовный наследник повести о субкультурных нулевых «Верни мне мой 2007-й». Проще говоря: о том же самом десять лет спустя. На момент создания всё описанное в книге было самой что ни на есть актуальной действительностью. Сейчас — и это еще одно свойство современности — время ускорилося, и тренды сменяют друг друга со скоростью постов в ленте социальной сети. Следовательно, то, что было актуально еще пару-тройку лет назад, теперь воспринимается как ретро. Что ж, тем интереснее на излете «десятих» оглянуться назад и на первой волне только-только зарождающейся ностальгии вспомнить, как оно было. Не говоря уже о том, что какие-то тенденции не только не ушли, а развиваются по сей день.

Чуть не забыл. На всякий случай.

Это художественное произведение, действие которого происходит в параллельной вселенной, никак не связанной с нашей с вами действительностью.

Любые совпадения — случайны.

Все, что написано в этой повести, не следует воспринимать как правду.

Ну вы же понимаете, да?

Предисловие

Хорошо. Теперь, когда сделаны все необходимые оговорки по поводу достоверности описанных событий, можно переходить непосредственно к рассказу о том, как все было на самом деле. Начну издалека.

Я был, кажется, классе в восьмом или девятом, когда впервые посмотрел довольно-таки средненький, но чем-то очень меня зацепивший фильм «Васаби», снятый по сценарию и под продюсерством небезызвестного Люка Бессона. Там среди прочих мне запомнился момент, когда молодая японская подопечная пожилого французского полицейского говорит о том, что она и вся ее компания — обычные современные подростки. Меня такое определение несколько озадачило, учитывая, что девушке по сюжету вот-вот должно было исполниться двадцать лет. Мне самому на тот момент было четырнадцать, и тогда я думал, что подростки — это, ну, максимум до шестнадцати. Позже, на первом-втором курсах университета, то есть лет до девятнадцати, я понял, что ошибался, поскольку все еще заме-

чал в себе отголоски тинейджерского мышления. Сейчас, вдоволь наобшавшись с главными героями данного повествования, я совершенно уверен: фраза двадцатилетней японки из «Васаби» теперь в полной мере применима к российской молодежной тусовке второй половины десятых. Ребятам, о которых здесь пойдет речь, еще нет двадцати, в данный момент им по семнадцать-восемнадцать лет, и все они — обычные современные подростки. Да, раньше мне (да и не только мне, наверное) казалось, что из этого возрастного периода вырастаешь после шестнадцати, но, как известно, времена имеют свойство меняться, а средняя продолжительность жизни на планете — расти. Ведь когда-то и такое, что в 45 можно считаться глубоким стариком.

К слову о «меняющихся временах». Как-то раз, лет так десять тому назад, я купил в «Зиг-Заге» (культовой когда-то рок-галерее, располагавшейся на Арбатской, затем на Китай-городе, позже на Киевской и еще где-то) белую футболку, мерч, одной группы, которая мне нравилась тогда. Родители, будучи, по обыкновению большинства родителей, весьма поверхностно осведомленными об андеграундной музыкальной сцене, спросили «кто это?», глядя на солистку, изображенную спереди. Я назвал ни о чем не сказавшее им имя и включил пару песен. Мама с папой уважительно молча прослушали записи и пару раз кивнули, ничего не сказав. Десятилетие спустя, приехав к ним с регулярным визитом на выход-

ные, я так же уважительно, как и родители годами ранее, прослушал с ними участников популярного телевизионного шоу. Я сидел боком к экрану и практически не поворачивал головы, читая книгу на телефоне. Каково же было мое удивление, когда мама окликнула меня, сказав:

— Смотри, это Нуки из «Слота», которая у тебя на футболке была.

Подняв глаза, я действительно увидел ту самую солистку, имя которой тогда было не известно никому, кроме узкого круга фанатов. Десять лет спустя она участвовала в раскрученном вокальном проекте и пела в прайм-тайм на первом канале. Расценивать это можно по-разному: и как успех Нуки как творческой единицы, и как попытку телепродюсеров расширить аудиторию, и как банальную жажду наживы со стороны менеджеров группы, и много чего еще вроде опопсения андеграундной сцены. Сказать однозначно, хорошо это или плохо, мне было затруднительно, но что становилось понятно бесспорно и окончательно, так это то, что времена, чего там ни говори, действительно изменились.

Субкультуры ушли в прошлое, центениалы (представители Поколения Z или Поколения Google, как все чаще их называют) в этом вопросе мыслят иначе, чем мы, миллениалы, десять-пятнадцать лет назад. Собственно, ради этого и затевался весь этот репортаж — исследовать природу молодежного общения во второй половине десятых и понять, действительно ли современ-

ные подростки так уникальны, как рисуют их СМИ. По стечению обстоятельств мне представился случай оказаться в тинейджерской среде и на протяжении чуть более месяца наблюдать за компанией двоюродной сестры, переживая вместе с ними их обычные будни и периодически узнавая мнения ребят по поводу тех или иных вопросов.

Несколько слов относительно структуры этой книги. Между главами основной линии расположены секции «Комментариев», которые содержат прямую речь (в подзаголовке указано, чью именно): ответы и рассуждения героев повествования на различные темы. Эти вставки, как мне кажется, помогают лучше понять поступки и гораздо глубже раскрывают менталитет представителей Поколения Google, чем просто пересказ событий, которым мне довелось стать свидетелем. Хочу сразу предупредить, что данная повесть — это именно повесть-репортаж, то есть своего рода освещение некоего действия так, как его видел я. Без додуманных деталей, сюжетных линий, завязок-развязок-кульминаций и прочих атрибутов классических художественных произведений. Художественным здесь стал только сам стиль повествования, так как чистая публицистика, как по мне, «суховата» и «официозна», хотя изначально этот материал писался именно в такой манере с целью публикации в интернет-сми. Однако главный редактор оного, ознакомившись с текстом, предложил сделать из него

отдельную книгу, сославшись на то, что размещение репортажа в их издании по ряду причин невозможно.

* * *

И еще одно. О том, для кого эта книга. Читателям-центениалам она, скорее всего, не откроет ничего нового, поскольку они в этом живут и, соответственно, давно и хорошо все это знают. Для их родителей, напротив, написанное может показаться чересчур неожиданным и трудным для понимания (всегда хочется думать, что о своих детях ты знаешь все, а нет...). У тех, кто «посередине», то есть моих сверстников — миллениалов, повествование, с одной стороны, вероятно, не вызовет чрезмерного удивления, с другой — все-таки просветит в некоторых моментах. Словом, эта книга — не для кого-то конкретно. И для всех сразу. Одним — взглянуть на себя со стороны, другим — лучше узнать тех, кто пришел им на смену.

«The times, they are a-changing...», как пел один известный нобелевский лауреат.

По дороге

— Я не хочу говорить об этом... — Вэл резко прервал завязавшуюся было беседу, как только речь зашла о самоубийстве Киры. Он убрал за ухо упавшую на лоб прядь светлых волос, в очередной раз вызвав у меня ассоциации с Куртом Кобейном, и отвернулся к окну, ловя взглядом пронесившиеся мимо столбы электросети и на автомате вращая в левой руке ярко-зеленый спиннер. Мы уже полтора часа ехали на скоростном поезде из Москвы в Петербург, а погода, несмотря на заявления синоптиков, лишь ухудшалась. По стеклу скользили удлиняющиеся водяные струйки, небо кучковалось тяжелой мокрой ватой, а деревья сильно раскачивались под шквальным ветром.

— Да, этот вопрос ша явно не в тему, — вполголоса произнесла сидевшая слева от Вэла Саша, скрестив руки на груди и выразительно с упреком посмотрев на меня.

Саша — моя двоюродная сестра. Вэл — ее парень. Его настоящее имя — Валентин, но я ни разу не слышал, чтобы Саша когда-нибудь его так называла. Подростки... В этом возрасте хочется

казаться крутым, проявляя свою крутость множеством всевозможных способов, и имя, производимое на западный манер, конечно, один из них. Удивительно, что сама Саша еще не просила называть ее Алекс или как-нибудь в этом духе. Ей семнадцать, полтора месяца назад она окончила школу, пару недель как поступила в университет, а сейчас, в середине августа, собиралась наконец отдохнуть от суеты, вызванной сменой академических этапов.

Про Вэла я не могу сказать почти ничего. Со слов сестры мне известно, что ему восемнадцать, школу он окончил год назад, но в настоящее время нигде не учился и не работал. Деньги, однако, у парня явно имелись — билет на поезд для себя и Саши он купил сам, отказавшись от моих услуг. Мы впервые встретились с ним два часа назад на вокзале и с тех пор перебросились лишь парой реплик. Недавно у нас вроде бы завязался короткий диалог, очень быстро прервавшийся после моего вопроса о Кире — девушке из их компании, в конце весны найденной около собственного подъезда со следами падения с большой высоты.

— Тут есть Wi-Fi? — спросила Саша, достав из рюкзака планшет и быстро тыкая пальцами в экран. Ни я, ни Вэл не поняли, к кому именно был обращен вопрос девушки, поэтому сначала мы молча переглянулись несколько раз, а затем одновременно заговорили:

— Да вроде долж...

— Нет, наверн...

Одна из тех неловких ситуаций, которые происходят, когда оба собеседника сначала перебивают друг друга, а затем также синхронно уступают слово.

— Должен быть, — сказал Вэл после небольшой паузы, уставившись в экран своего телефона.

— Мы не в бизнес-классе, — ответил я. — Там точно есть, здесь — не знаю.

Немного обо мне. Совсем немного, потому что моя фигура в этой истории не играет почти никакой роли. По-хорошему, и рассказана-то она должна быть от третьего лица, об одном из героев, без всякого участия в ней самого рассказчика. В некоторых моментах, однако, мое присутствие проявилось несколько активнее, чем просто стороннее наблюдение, поэтому я и решил оставить «себя» в повествовании. Итак, я на десяток лет старше своей двоюродной сестры, я женат, кое-где работаю и даже где-то живу. Пожалуй, для начала этих сведений обо мне вполне достаточно, ибо в целом моя роль здесь — это глаза и уши. Органы чувств, через которые вы имеете возможность наблюдать за тем, что видел и слышал я.

В данный момент мы — я, Саша и Вэл — занимали три места вокруг стола в вагоне «Сапсана», мчавшемся на северо-запад со скоростью 250 километров в час. Саша и Вэл сидели напротив меня, а место рядом со мной было занято пожилым мужчиной, следовавшим в составе испа-

ноговорящей туристической группы. Он молча смотрел в окно и никак не реагировал на наши реплики, давая повод думать, что совсем нас не понимает.

Моя сестра и ее парень казались мне очень похожими друг на друга внешне. Дело было в прическах: Вэл, как я уже упомянул, носил длинные светлые волосы в стиле Курта Кобейна, а Саша — темное каре почти такой же длины. Сейчас, одинаково «залипнув» в гаджетах, ребята напоминали мне фотоснимок и его негатив, расположенные рядом друг с другом. У Саши был пирсинг в правой ноздре, татуировка в виде альбатроса на внутренней стороне левого предплечья (почти у запястья) и футболка с изображением какой-то модной группы. Несмотря на все эти элементы, в прошлом десятилетии вполне себе считавшиеся атрибутами определенных молодежных субкультур, моя двоюродная сестра не относила себя к каким-либо течениям, движениям, категориям, неизменно отвечая, что «так давно уже никто не рассуждает», да и вообще, мол, «сейчас все смешалось в кучу». Вэл, внешне напоминавший одновременно и типичного адепта гранжа из девяностых, в клетчатой рубашке поверх футболки с каким-то психоделическим принтом, и какого-то современного модника в узких подвернутых штанах, а слушающий при этом, по словам Саши, предпочтительно трэп, клауд рэп и прочие трендовые ответвления хип-хопа, только подтверждал ее слова.